

И.Ф. Нильский

Речь по поводу рассуждений о
нуждах единоверцев, произнесенная
4 дек. 1873 г.. в заседании
С.-Петербургского отдела Общества
любителей духовного просвещения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1874. № 3. С. 337-381.

РѢЧЬ

по поводу разсужденій о нуждахъ единовѣрцевъ, произнесенная профессоромъ И. Ф. Нильскимъ 4-го декабря 1873 года, въ засѣданіи с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

(Окончаніе.)

Разобравъ данныя, которыя г. Филипповъ считалъ неопровергнутыми мною въ засѣданіи 25-го февраля, и показавъ, насколько они «тверды» на самомъ дѣлѣ ⁽¹⁾, перехожу теперь къ объясненіямъ, которыми г. Филипповъ старался ослабить силу положи-

⁽¹⁾ Въ подтвержденіе правильности своего взгляда на соборную клятву 1667 года, г. Филипповъ уваживалъ въ своемъ чтеніи (18 января), между прочимъ, на тѣ, по его выраженію, «странныя и для насъ мало даже вѣроятныя ругательства на двуверстіе и другія особенности до-никоновскаго обряда», какія находятся «въ обличительныхъ противъ раскола сочиненіяхъ перваго періода»; въ «объясненіяхъ» (28 марта) онъ уже ни слова не говоритъ объ этихъ «порицаніяхъ», быть можетъ, потому, что замѣчанія мои по этому вопросу призналъ достаточными; тѣмъ не менѣе адвокатъ г. Филиппова ведетъ ту же рѣчь и даже съ болѣею настойчивостію (Гражд. № 26, стр. 735). Не считая нужнымъ продолжать полемику по этому вопросу, я замѣчу только слѣдующее: «искривленіе» единовѣрцы понимаютъ и объясняютъ «порицанія» на, такъ называемые, старые обряды, находящіяся въ разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ конца XVII и начала XVIII столѣтія, не такъ, какъ дѣлаетъ это защитникъ нужды единовѣрія (см. напр. Душеп. Чт. 1871 г. февр., Извѣст. и замѣтк., стр. 61—64; Истина (журн.), кн. XXVIII, ст. «единовѣріе и раздоръ», особенно же л. 100—104).

Хр. Чт. № 3. 1874 г.

22

тельныхъ доказательствъ, которыя я привелъ въ подтвержденіе своего взгляда на соборную клятву 1667 г. Г. Филипповъ впрочемъ отнесся критически не ко всѣмъ моимъ доказательствамъ, а только къ двумъ, — потому-ли, что счелъ остальные не заслуживающими своего вниманія, или потому, что не нашелъ, что возразить противъ нихъ, — это его секретъ.

Прежде всего, мой почтенный противникъ остановилъ свое вниманіе на указанномъ мною фактѣ изъ исторіи, такъ называемаго, стрѣльчаго-раскольникьяго бунта. Когда одинъ изъ раскольниковъ обратился къ патриарху Іоакиму съ вопросомъ: «зачѣмъ вы жжете насъ за крестное знаменіе и за молитву,» — патриархъ отвѣчалъ слѣдующее: «мы за крестъ и молитву въ срубкахъ не жжемъ и не пытаемъ, мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетесь святой соборной и апостольской церкви, а кто какъ хочетъ, такъ и крестится, двѣма-ли персты и тремя-ли, или всею дланію, то все едино, лишь бы знаменіе на себѣ вообразить, и мы о томъ не истязуемъ». Не отвергая подлинности этихъ словъ, вѣроятно, потому, что они передаются раскольниками, г. Филипповъ не соглашается только признать въ нихъ выраженіе дѣйствительнаго взгляда патриарха на перстосложеніе и видитъ въ нихъ не болѣе, какъ «фразу, вынужденную обстоятельствами». На какомъ же основаніи? На томъ, что въ той же самой книгѣ, изъ которой и взялъ извѣстіе объ отвѣтѣ Іоакима, чрезъ нѣсколько страницъ находится слѣдующее повѣствованіе раскольника Саввы Романова: когда слова патриарха повторилъ (хотя и не буквально) чрезъ нѣсколько времени нижегородскій архіерей, одинъ раскольникъ замѣтилъ

ему: «да правду-ли, владыко, рекъ, что за крестъ и молитву не жжете? Чесо же ради какъ приведуть предъ васъ коего христіанина, и впервыхъ вопрошае-те, какъ крестисься и какъ молитву творишь, и хри-стіанинъ молвить: я де молитву творю и вращуся по старому, яко же святая соборная и апостольская прі-яша церковь отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ на-шихъ, седми вселенскихъ соборовъ, и вы за то пытай да жги, да его же въ тюрьму; и у тебя въ Нижнемъ подъ Ивановскою башнею выкопана яма сажень съ десять, и тутъ сидятъ и до нынѣ три челоуѣка за крестъ и молитву, и по твоему приказу пріѣзжалъ муромосицкой попъ Евѣимій, изъ ямы велѣлъ ихъ вынять и самъ распрашивалъ, повинуетелися соборнѣй и апостольской церкви и преосвященному митрополи-ту и хотите-ли исповѣдаться и причащаться; они же и въ первыхъ къ нему къ благословенію пошли и по-томъ ему рекли: мы во всемъ повинуюемся соборнѣй церкви и митрополиту, и хотимъ повиноваться (вѣ-роятно, исповѣдаться) и причащаться и *по прежнему* прекословити не станемъ, только да не отметаите у насъ креста да молитвы по старому, и попъ Евѣи-мій тебѣ о томъ о всемъ возвѣстидъ, во всемъ де го-сударь повинуются и по прежнему прекословити не хотятъ, только молитвы да креста не измѣняютъ, а ты ихъ въ ту же яму велѣлъ бросить» (1).

Я рѣшительно не понимаю, съ какою цѣлію г. Фи-липовъ указываетъ на вышеприведенныя слова Сав-

(1) «Исторія о вѣрѣ и челобитна о стрѣльцахъ», рукоп. моей библ. № 21. Г. Филиповымъ приведено это мѣсто изъ сочиненія Саввы Ро-манова по изданію г. Кожанчикова (три челобитныя), въ которомъ мысли раскольническаго историка передаются не вездѣ точно и согласо-но съ рукописью.

вы Романова, обращенныя имъ къ нижегородскому митрополиту. Если бы эти слова и были справедливы, и въ такомъ случаѣ они скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ мою мысль о томъ, что въ словахъ патріарха Іоакима о перстосложеніи для крестнаго знаменія нужно видѣть не вынужденную обетоятельностью фразу, а выраженіе дѣйствительнаго воззрѣнія на двуперстіе какъ его самого, такъ и «вообще нашей церковной власти того времени». Когда нижегородскій митрополитъ сказалъ раскольникамъ, что ихъ мучать не за крестъ и не за молитву, но за ихъ непокорство,—за то, что они возмущаютъ народъ, не велятъ ходить въ церковь, исповѣдываться и причащаться отъ священниковъ,—ему раскольники старались доказать не словами, а дѣлами, что онъ говорилъ неправду. А когда съ подобными же словами обратился къ раскольникамъ патріархъ Іоакимъ, — раскольники не возразили ему ни однимъ словомъ. Выводъ отсюда, кажется, понятенъ. Патріархъ говорилъ правду; иначе раскольники и ему замѣтили бы тоже, что сказали нижегородскому митрополиту. Такимъ образомъ «вразумляющій фактъ», который г. Филипповъ думалъ было направить противъ меня, падаетъ на его собственную голову, не замѣтившую того, что этотъ фактъ... не ослабляетъ, а только подтверждаетъ мою мысль о томъ, что церковная власть наша въ лицѣ патріарха Іоакима строго преслѣдовала въ раскольникахъ не употребленіе ими стараго обряда, а враждебное и худое отношеніе ихъ къ церкви и ея обрядамъ и таинствамъ. Правда, по словамъ раскольниковъ, нѣкоторые епархіальные архіереи того времени, напримѣръ нижегородскій, поступали въ этомъ случаѣ

иначе; но—только—по словамъ раскольниковъ и по живѣнію г. Филиппова, который какъ бы поставилъ себѣ правиломъ—вѣрить безусловно всему, что говорятъ раскольники и дурные единовѣрцы, и не обращать вниманія на то, что заявляютъ ему православные и искренніе единовѣрцы, и который поэтому вышеприведенныя слова Саввы Романова, обращенныя къ нижегородскому митрополиту, считаетъ за чистую монету, а отвѣтъ нижегородскаго преосвященнаго на эти слова, объясняющій суть дѣла, счелъ нужнымъ скрыть отъ Васъ и—отъ читателей; а отвѣтъ этотъ слѣдующаго рода: «не азъ посадилъ тамо (въ яму) ихъ (т. е. раскольниковъ, изъявившихъ желаніе во всемъ повиноваться церкви, только не желавшихъ оставить «креста и молитвы по старому»),—отвѣчалъ митрополитъ, но присланныя по царскому указу кромѣ мене, и нынѣ како съ ними государь изволить». Эти слова, которыхъ г. Филипповъ почему-то не дочиталъ, хотя для этого не требовалось даже «перевернуть» нѣсколькихъ страничекъ маленькой книжки, показываютъ, что и нижегородскій преосвященный былъ правъ, когда говорилъ, что за крестъ и за молитву онъ не преслѣдуетъ раскольниковъ; преслѣдованіе раскольниковъ, по его словамъ, зависѣло не отъ церковной, а отъ свѣтской власти, которая, «ревнуя по Господѣ Божѣ и оберегаючи матеръ свою святую церковь», считала необходимымъ судить «святая церкви противниковъ градскимъ судомъ» (1) и сама завѣдывала этимъ дѣломъ чрезъ своихъ довѣренныхъ. Въ 8-мъ томѣ Дополненій къ историческимъ актамъ, подъ № 50, помѣщены весьма любопытные документы,

(1) Акт. Истор. т. V, № 75, стр. 111.

относящиеся къ 70-мъ годамъ XVII столѣтія и касающіеся раскола въ Сибири, которые невольно заставляютъ вѣрить справедливости словъ нижегородскаго митрополита. Изъ этихъ документовъ видно, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, раскольниковъ, «троеперстнымъ сложеніемъ не крестившихся и четвероконечнаго креста, чѣмъ просфоры печатаютъ, не принимавшихъ» и называвшихъ его «крыжемъ, антихристовою печатью», судили и рѣдили свѣтскія начальства, и судъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: раскольниковъ убѣждали, чтобы они «къ церкви Божіей приходили и троеперстнымъ сложеніемъ крестились и четвероконечнаго креста, чѣмъ просфоры печатаютъ, антихристовою печатью не называли и святымъ Божиимъ тайнамъ причащались» и проч.; въ случаѣ упорства, имъ «за расколъ и мятежъ, за непристойныя страшныя слова, чинили жестокое наказаніе, били вкutomъ не щадно, при многихъ людяхъ, чтобъ на то смотря инымъ раскольникамъ не повадно (было) воровать и церковный расколъ и мятежъ чинить и православныхъ крестьянъ прельщать, и сажали ихъ въ земляную тюрьму, никого къ нимъ припущать не велѣли, покажутъ они обратятся на истинный путь». Вообще сажанье «въ земляную тюрьму» было обыкновеннымъ въ то время наказаніемъ для раскольниковъ,—и этому наказанію подвергала непокорныхъ свѣтская власть. Что же касается отношенія къ расколу духовной власти, то его отлично характеризуетъ помѣщенный здѣсь же документъ (1), въ которомъ значится слѣдующее: раскольники, посаженные на Тюмени въ тюрьму, по распоряженію тобольскаго вое-

(1) Подъ № IV.

воды Петра Вас. Шереметева, обратились къ митрополиту сибирскому и тобольскому Павлу съ челобитной, въ которой заявляли, что они, «увѣдавъ истину, святой соборной апостольской церкви и всему освященному собору повинуются и впредь обѣщаются церковнаго расколу не счинять», и потому просили митрополита похлопотать объ освобожденіи ихъ изъ тюрьмы и для этого свестись съ воеводой Шереметевымъ. Митрополитъ такъ и поступилъ, и воевода велѣлъ тюменскому стольнику и воеводѣ Михаилу Квацинину допросить челобитчиковъ, истинно ли они обратились къ церкви и повинуются ли всему освященному собору. Раскольники на допросѣ показали, между прочимъ, слѣдующее: «святѣй соборной апостольской церкви и всему освященному собору не повинуются... да Оеонька же Онтоновъ сказалъ: посылали де они къ Павлу, митрополиту сибирскому и тобольскому, челобитную; а въ челобитной де ихъ было написано: только де стануть въ церквахъ служить: по седьмому собору и по старымъ служебникамъ и на просфорахъ стануть печатать крестомъ, а не крыжемъ, и онъ де Оеонька съ товарищи къ церквамъ и ко отцемъ духовнымъ будутъ приходить». За такія рѣчи раскольники снова были посажены въ тюрьму—до новаго распоряженія тобольскаго воеводы.

Для моей цѣли рѣшительно все равно, какъ бы ни смотрѣть на показаніе сибирскихъ раскольниковъ, данное ими на допросѣ, т. е. считать ли его выраженіемъ ихъ дѣйствительнаго воззрѣнія на предметъ, или только видѣть въ немъ вынужденныя обстоятельства фразы,—такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ показаніе раскольниковъ будетъ не въ пользу

г. Филиппова. Если предположить, что раскольники на допросѣ показывали то, что писали въ челобитной,—то необходимо согласиться, что Павель, митрополитъ тобольскій, рѣшившійся хлопотать предъ воеводой объ освобожденіи ихъ изъ тюрьмы, признавалъ возможнымъ дозволить просителямъ употребленіе стараго обряда, лишь бы только они не отдѣлялись отъ церкви; если же допустить, что челобитчики только на допросѣ обнаружили истинное отношеніе свое къ новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ, а въ просьбѣ къ митрополиту скрывали свой расколъ и выражали свое повинновеніе церкви и обѣщаніе не чинить впредъ церковнаго раскола—притворно, то пусть г. Филипповъ поищетъ изъ указаннаго мною случая, какъ нужно смотрѣть на тѣ свидѣтельства, по которымъ раскольники временъ патріарха Іоаннима заявляли предъ духовными властями желаніе свое во всемъ повинноваться церкви, лишь бы только не заставляли ихъ оставлять двуперстіе и другія обрядовыя особенности. Эти заявленія были фальшивы и въ большинствѣ случаевъ оканчивались тѣмъ, что лицемѣрно, во избѣжаніе какой либо непріятности, присоединившіеся къ церкви раскольники снова совращались въ расколъ и, наученные горькимъ опытомъ, старались не попадаться на глаза «приказнымъ людямъ», а бѣжали отъ нихъ, кому куда было удобнѣе,—въ пустыни, въ лѣса, въ другіе уѣзды и губерніи, гдѣ легче могли скрыть свой расколъ. И такъ было не только во времена Іоаннима, когда сидѣли въ тюрьмѣ нижегородскаго митрополита три раскольника, заявлявшіе свое желаніе во всемъ повинноваться соборной церкви и митрополиту,

рѣшавшіеся даже пріобщаться, и только просившіе оставить за ними «крестъ и молитву по старому», но и послѣ—во времена Синода, когда дѣйствовалъ архимандритъ Антоній, который, спрашивая въ 1721 году Св. Синодъ о томъ, какъ поступать ему съ раскольниками, которые готовы были «новопечатную присягу исполнить и святаго причащенія сподобиться» и всѣ содержимыя ими обрядовыя особенности оставить, только не хотѣли двуперстія перемѣнить на троеперстіе, въ тоже время спрашивалъ Синодъ и о томъ, вѣрить ли обращенію раскольниковъ (1), т. е., очевидно, самъ не вѣрилъ въ искренность этихъ обращеній. Синодъ зналъ это обстоятельство (2), самъ заявлялъ, что раскольники и «по обращеніи отъ раскола стали быть невѣроятны» (3); и потому-то требовалъ отъ нихъ, въ доказательство искренности обращенія, полного, безъ всякихъ уступокъ и ограниченій, принятія новоисправленныхъ обрядовъ и другимъ совѣтовалъ «обращенію раскольниковъ не вскорѣ вѣрить» (4). Впрочемъ, объ этомъ я говорилъ уже прежде, а теперь замѣчу слѣдующее: въ документахъ, изъ которыхъ я привелъ случай изъ жизни сибирскаго раскола, есть нѣсколько челобитныхъ раскольничьихъ на имя государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича (5). Въ этихъ челобитныхъ раскольники горько жаловались царю на «приказныхъ людей» и горячо хвалили «милость» къ нимъ государева богомольца, преосвященнаго Павла мит-

(1) Опис. дѣл. и докum. Св. Сми. I, стр. 642.

(2) Тамъ же, стр. 353.

(3) Собр. пост. по части раск. кн. I, стр. 345.

(4) Полн. собран. постан. т. I, стр. 58.

(5) Доп. въ Истор. вѣст. т. VIII, № 50, № III и № V.

рополита. Мнѣ кажется, это обстоятельство не требуетъ поясненій; но и оно ничуть не въ пользу г. Филиппова, который взятыя имъ изъ сочиненія Саввы Романова слова принялъ за чистую правду, а отвѣтъ нижегородскаго митрополита, справедливость котораго несомнѣнно подтверждается памятниками того времени, опустилъ изъ виду. Еще менѣе справедливо поступилъ г. Филипповъ, когда, на основаніи неправильно понятаго имъ «поступка нижегородскаго архіерея», рѣшился утверждать, что въ словахъ патріарха Іоакима, мною приведенныхъ, нужно видѣть не болѣе, какъ вынужденную обстоятельствомъ фразу. Чтобы еще болѣе подтвердить свой взглядъ, г. Филипповъ указываетъ на самыя обстоятельства, при которыхъ происходили объясненія между патріархомъ и раскольниками, но и въ этомъ случаѣ почтенный противникъ мой опять говоритъ *противъ* себя. По его словамъ, объясненія эти «происходили не въ крестовой патріарха, какъ утверждаетъ я, но въ грановитой палатѣ, въ присутствіи царевны Софіи Алексѣевны, царицы Натальи Кирилловны и всѣхъ бывшихъ въ Москвѣ духовныхъ властей». Если бы дѣло было такъ, то патріарху не было бы никакихъ побужденій объясняться съ раскольниками относительно перстосложенія «уступчиво и уклончиво»; на соборѣ въ грановитой палатѣ онъ былъ защищенъ отъ нападеній со стороны раскольниковъ присутствіемъ не только правительницы государства, стоявшей на сторонѣ Іоакима, и другихъ лицъ царскаго дома, но и всего царскаго синклита, бояръ, окольныхчихъ, думныхъ людей, стольниковъ, страпчихъ, жильцовъ, дворянъ и выборныхъ всѣхъ полковъ, которые «готовы были

за государей и властей головы свои положить»; значить, сила была на сторонѣ правительства, вслѣдствіе чего отцы раскольниковъ не хотѣли даже идти въ грановитую палату изъ опасенія, чтобы съ ними не сдѣлали тамъ чего дурнаго (1); правительству чувствовало это и потому не особенно церемонилось съ раскольниками на соборѣ въ грановитой палатѣ, называя «дѣло ихъ подобнымъ сосуду, налитому полынью и только по краямъ помазанному медомъ» (2). Я обратилъ Ваше вниманіе на это послѣднее обстоятельство не съ цѣлію указать Вамъ на странное ослѣпление г. Филиппова, который извращаетъ историческіе факты какъ бы только для того, чтобы опровергать ими самого себя, но съ цѣлію показать, какъ наивно слѣдующее обращеніе ко мнѣ адвоката г. Филиппова, сдѣланное имъ по поводу сейчасъ разсмотрѣннаго мною доказательства: «помните, сколько стыда вы приняли съ Саввою Романовымъ, у котораго вы взяли нѣсколько нужныхъ для васъ строчекъ изъ стр. 99, не заглянувъ въ страницу 107» (3). Если и нужно кому стыдиться своего положенія въ настоящемъ случаѣ, то ужь никакъ не мнѣ, но г. Филиппову и его адвокату. Они оба обрадовались 107 стр. изданія Кожанчикова и рѣшились было поразить ею меня, не замѣчая того, что эта несчастная страничка опровергаетъ ихъ собственныя положенія и соображенія.

Впрочемъ, г. Филипповъ не ограничился 107-ю страницей небольшой книжки, изданной г. Кожанчиковымъ,

(1) Три челоб., стр. 117, 119, 136.

(2) Тамъ же, стр. 132.

(3) «Гражданинъ» № 26, стр. 784.

а привелъ и другія доказательства въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что «отвѣтъ» Іоакима, данный имъ раскольникамъ по вопросу о перстосложеніи, не былъ «выраженіемъ истиннаго воззрѣнія патріарха». Доказательства эти г. Филипповъ нашелъ въ Увѣтѣ патріарха Іоакима, изданномъ имъ вскорѣ послѣ стрѣльцоваго—раскольничьяго бунта, гдѣ будто бы находится уже иной взглядъ патріарха на двуперстіе: «Какой же? По словамъ г. Филиппова, Іоакимъ въ Увѣтѣ «на листахъ 103 и 104 усиливается доказать, что двуперстное сложеніе есть знаменіе неправославное, арменскаго происхожденія, и что въ немъ выражается неравенство Св. Троицы». Распываю Увѣтъ и нахожу на указанныхъ листахъ слѣдующія слова патріарха: «между первымъ перстомъ, четвертымъ и пятымъ есть дву персту посредство: между Отцемъ и Сыномъ и Св. Духомъ нкое же обрѣтается посредство: убо нѣсть сими лѣпо образовати персты, но тѣми, между ими же есть непосредствіе: сичевы же суть три первіи персты; убо тремя первыми персты образовати годствуеть. Церковь святая ни въ коемъ же дѣлѣ еретическомъ обыче сообщатися еретикомъ, паче же противная ихъ еретичеству дѣеть: съ постыцимися армены, не постится, но разрѣшаетъ на брашна: съ гнушающимися брашны, не гнушается, но ясти узаконяеть. Подобнѣ и здѣ. Занеже проклятїи армени первымъ перстомъ, четвертымъ и пятымъ въ знаменїи крестномъ воображенїе творять, да покажутъ неравенство лицъ божественныхъ, чрезъ неравенство перстовъ (и сего сами армени и благочестивыя люди, иже въ ихъ странахъ были, суть свидѣтели): убо намъ, не знающимъ въ божественныхъ лицахъ неравенства,

но весьма равенство исповѣдующимъ, не подобаетъ
 лестному ихъ воображенію сообщатися, паче же про-
 тивяѣ равными персты первыми равенство Отца и
 Сына и Святаго Духа изобразующе исповѣдати. Сія
 благословныя вины всякому православному довлѣютъ
 на утвержденіе треперстнаго сложенія». Какъ всякій
 можетъ видѣть, патріархъ Іоакимъ въ приведенныхъ
 словахъ говоритъ только о преимуществѣ треперстія
 предъ двуперстіемъ, и доказываетъ это преимущество
 тѣмъ, что изображать равенство лицъ Святой Троицы
 первымъ, четвертымъ и пятымъ перстами менѣ при-
 лично и правильно, чѣмъ тремя первыми (перстами),
 и что первый и два послѣдніе перста употребляютъ
 для крестнаго знаменія еретики армяне, чтобы нера-
 венствомъ перстовъ показать неравенство лицъ бо-
 жественныхъ, между тѣмъ какъ мы «весьма равенство
 исповѣдуемъ», и слѣдовательно не должны слѣдовать
 ихъ обычаю; а г. Филипповъ видитъ въ указанныхъ
 словахъ *усиліе* патріарха *доказать*, что двуперстіе есть
 знаменіе неправославное; арменскаго происхожденія,
 и что въ немъ выражается неравенство Святой Трои-
 цы. Такъ же правдиво толкуетъ г. Филипповъ и дру-
 гія мѣста Увѣта. Такъ на примѣръ изъ того, что на
 листѣ 104 Увѣта патріархъ упомянулъ о соборѣ 1656
 года, которымъ «непокоривіи анаемѣ предашася»,
 а на листѣ 202 проклинаетъ тѣхъ, кто не признаетъ,
 что церковь содержитъ законъ Божій, преданіе свя-
 тыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, чины и книги безъ
 «спорока и соблазна», что она вѣруетъ во единого Бо-
 га въ Троицѣ, содержитъ православную вѣру, слѣду-
 етъ древнему церковному законоположенію и прокли-
 наетъ всякое «вводимое новозаконіе христіанохульныхъ

еретиковъ», г. Филипповъ, хотя и не прямо, выводитъ заключеніе, будто бы, и по мнѣнію патріарха Іоакима, проклятiе положено соборомъ 1667 г. собственно на употребляющихъ «не только двуперстіе, но и всё вообще соборомъ воспрещенныя особенности обряда». А между тѣмъ стѣло г. Филиппову, не читая всего (до послѣдней страницы) Увѣта, заглянуть только на листы 33—35, и онъ узналъ бы тогда, кого и за что; по мнѣнію Іоакима, проклиналъ соборъ 1667 года. «Нововльшихся блядословцевъ и раскольниковъ, *хулившихъ на святую церковь и на непорочную стѣру христіанскую*, тогда присутствующій архіерейскій православный соборъ (т. е. 1667 года), собранный повелѣніемъ великаго государя въ царствующій градъ Москву, сихъ злохульниковъ жезломъ благочестія низложи и непокаряющихся святѣй восточнѣй апостольскѣй церкви анаѣемъ предаде». Такъ говоритъ Іоакимъ о лицахъ, на которыхъ изречена соборная клятва, а за тѣмъ указываетъ и самыя хулы, за которыя они подверглись анаѣемъ: «сіи (именно: Никита, Аввакумъ, Лазарь и прочіе единомышленники ихъ) хулами нестерпимыми уничижаютъ Бога, писалъ патріархъ, и святыя Его, и всю церковь возлюбленную невѣсту Христову, и пречистыя тайны тѣло и кровь Христову хулиша, простымъ хлѣбомъ и виномъ нарицающе: и животворящій четвероконечный крестъ Господень... и вси семь тайнъ церковныхъ хулиша не токмо усты проклятыми, но и писаньями своими богомерзскими: и на всей вселеннѣй всѣхъ православныхъ архіереевъ, и весь священный чинъ, и благочестивыхъ царей, и всѣхъ православныхъ христіанъ, сыновъ восточныя каволическія церкви Христовы хулами и уко-

ризнами облагающе, яже и писанію невозможно предати» (1). Кажется, ясно, какъ понималъ соборную клятву патріархъ Іоакимъ; а онъ былъ членомъ собора 1667 года (2), и слѣдовательно вѣрише, чѣмъ г. Филипповъ, зналъ смыслъ и значеніе его опредѣлений (3). Наконецъ, изъ того, что на 100 листѣ Увѣта патріархъ Іоакимъ говоритъ, что церковь, употребляя троеперстіе, какъ древнее преданіе, «отрѣзаетъ двоеперстное сложеніе», какъ «новость», ни мало не слѣдуетъ, чтобы патріархъ Іоакимъ измѣнилъ свой взглядъ на двуперстіе, высказанный имъ при состязаніи съ раскольниками въ крестовой палатѣ. Θεοφιλαктъ Лопатинскій доказывалъ въ своемъ «Обличеніи неправды раскольнической», что «по обычаю святыхъ соборныхъ каеолическія церкви должны православніи въ знаменіи крестномъ слагати первыя три персты во изображеніе Святыхъ Троицы, а два послѣдніа сгибати къ ладони во изображеніе двухъ естествъ во Христѣ» (4), и что раскольническое двуперстіе «ни отъ Христа предано, ни отъ апостоловъ проповѣдано» (разсужд. 9), и слѣдовательно составляетъ новостъ въ церкви; и однакожь это не помѣшало ему сказать, подобно патріарху Іоакиму, что «знаменіе крестное равно изобразитися можетъ не токмо двѣма или трема персты, но и единымъ и цѣлою рукою» (разсужд. 11), вслѣдствіе чего Θεοφιλαктъ осуждалъ раскольниковъ не за то, что они вѣстались двумя перстами, — и такъ со-

(1) Снес. Увѣт. л. 107 об. и 110.

(2) Дополненіе къ Историческимъ Актамъ т. V, стр. 476.

(3) См. подробнѣе объ этомъ — «Христіанское Чтеніе» 1872 г. май, стр. 39—46; Правосл. Соб. «1873 г. іюль» стр. 346—351.

(4) Облич. гл. 1, разсужд. 9.

творенное крестное знаменіе есть, по его словамъ, истинное знаменіе,—но за то, что они «изображеніе, творимое тремя персты, хулили, и не крестомъ сіе, но печатію антихрестовою безстыдно нарицали», считая истиннымъ только свое двуперстное знаменіе.

Другое доказательство, которымъ я подтверждалъ свою мысль не о томъ, что «свобода въ употребленіи, такъ называемаго, стараго обряда допускалась и послѣ собора 1667 года», а о томъ, что клятва собора 1667 года изречена была не на содержаніе старыхъ обрядовъ, и которое г. Филипповъ признаетъ несостоятельнымъ, состояло въ сдѣланномъ мною указаніи на нѣкоторыя распоряженія новгородскаго митрополита Питирима, бывшаго предсѣдателемъ собора 1666 года и членомъ собора 1667 года. Именно: я указалъ (въ своей рѣчи) на то, что когда *чрезъ нѣсколько лѣтъ* послѣ собора 1667 года стали доходить до Питирима извѣстія о томъ, что въ его епархіи многіе попы служатъ литургію по старопечатнымъ служебникамъ—на семи просфорахъ, онъ повелѣлъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ учинить заказъ крѣпкій *воимъ* «попомъ съ причетники», которые служили по старымъ книгамъ, чтобы они служили по новымъ книгамъ и, если *нѣтъ* такихъ книгъ,—купили ихъ, при чемъ я замѣтилъ, что митрополитъ не подвергъ виновныхъ не только клятвѣ, но даже и простому наказанію, что было бы неизбѣжно, если бы соборъ 1667 года наложилъ клятву собственно на употребленіе старыхъ обрядовъ. А когда и послѣ этого нѣкоторые продолжали служить по старымъ книгамъ, Питиримъ повелѣлъ выслать непокорныхъ священниковъ въ Новгородъ съ провожатыми, очевидно,

для употребленія надъ ними *дисциплинарныхъ* мѣръ— за то, что, давши обязательство купить новыя книги, они не исполнили своего обѣщанія и оказались непослушными своему архіерею. Говоря это, я имѣлъ въ виду распоряженія Пителима, относящіяся къ 1671 и 1672 годамъ ⁽¹⁾ и касавшіяся духовенства «*важской* десятины», которыя буквально приведены мною въ статью, помѣщенной въ «Христіанскомъ Чтеніи» за прошлый годъ. Что же дѣлаетъ г. Филиповъ? Такъ какъ указанныя распоряженія Пителима слишкомъ прямо шли противъ мысли защитника «нуждъ едино-вѣрія» о томъ, будто бы соборная клятва положена была собственно на употребленіе старыхъ книгъ и обрядовъ, независимо отъ отношенія читателей этихъ обрядовъ къ церкви и ея обрядамъ, то безпристрастный изслѣдователь рѣшился употребить для пораженія меня приемъ, которому дается нехорошее названіе, именно: онъ сослался въ своихъ объясненіяхъ на другое распоряженіе Пителима, относящееся къ 1668 году и касавшееся священниковъ *тихвинскаго* посада, о которомъ въ рѣчи своей я не упоминалъ ни однимъ словомъ (хотя и указывалъ на него въ вышеупомянутой статьѣ), но приставилъ къ нему тотъ выводъ, который былъ сдѣланъ мною въ рѣчи изъ указанныхъ распоряженій Пителима относительно духовенства «*важской* десятины», и, на основаніи такой,—какъ бы выразиться помягче,—повтической вольности, обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ прозаическимъ замѣчаніемъ: «тутъ (т. е. въ извѣстіяхъ о Пителимѣ, сообщенныхъ мною въ рѣчи) что ни слово, то ошибка

(1) Акты Эвекед. т. IV, №№ 184, 188.

Ар. Чт. № 3. 1874 г.

или странность». Въ чемъ же мои ошибки?—Въ томъ, что, по моимъ словамъ, Питиримъ велѣлъ выслать въ Новгородъ служившихъ по старымъ книгамъ священниковъ «тихвинскаго посада» «для дисциплинарнаго взысканія», между тѣмъ какъ изъ приведеннаго г. Филипповымъ документа оказывается, что дисциплинарному взысканію тихвинскіе священники подверглись еще на мѣстѣ;—въ томъ далѣе, что я будто бы говорилъ, что митрополитъ Питиримъ долженъ былъ *прямо, безъ суда*, подвергнуть поповъ *тихвинскаго посада* анаемѣ (а у меня (въ рѣчи) не было и рѣчи ни о тихвинскихъ попахъ, ни объ анаемѣ надъ ними безъ суда), тогда какъ и «убійцу, застигнутаго на мѣстѣ преступленія, замѣчаетъ г. Филипповъ, не прямо ссылаютъ въ Сибирь, а прежде производятъ надъ нимъ слѣдствіе и судъ». Миѣ, право, совѣстно даже указывать на такую неразборчивость ⁽¹⁾ моего противника въ выборѣ средствъ для пораженія своего врага. А между тѣмъ г. Филипповъ утверждалъ 28 марта, что ему «совѣстно было обличать меня въ незнаніи азбучныхъ понятій о томъ, что безъ суда не можетъ быть наказанія»,—утверждалъ, не смотря на то, что

(1) Примвромъ того, какъ, не краснѣя, г. Филипповъ «сшиваетъ клеветы» на меня, можетъ служить слѣдующее его замѣчаніе: «г. Нильскій упоминаетъ также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ за подобные проступки (т. е. за служеніе литургіи по старому) взысканіе ограничивалось всего десятию рублями пени; но онъ забылъ при этомъ объяснить, что эта десяти-рублевая пеня налагалась собственно за утайку книгъ Іосифовской (?) печати». А между тѣмъ, если г. Филиппову казалась неяснымъ мое выраженіе въ рѣчи: «утайка его» (т. е. служебникъ),—онъ могъ справиться о точномъ его смыслѣ въ той же статьѣ, изъ которой взялъ извѣстіе о тихвинскихъ попахъ и въ которой прямо сказано, что пеня назначалась «за утайку служебника» (стр. 36; см. стр. 39).

изъ того же документа, на основаніи котораго г. Филипповъ строитъ свои обвиненія противъ меня, видно, что тихвинскіе священники были подвергнуты «тяжкому дисциплинарному *взысканію*» — безъ суда, или прежде суда, въ чемъ сознается и адвокатъ г. Филиппова (1); или, быть можетъ, г. Филипповъ запрещеніе священнику священнослуженія, что послѣдовало относительно тихвинскихъ поповъ до суда надъ ними, считаетъ только *взысканіемъ*, а не *наказаніемъ*? По моему мнѣнію, г. Филипповъ поступилъ бы болѣе серьезно, если бы, вмѣсто того, чтобы давать мнѣ уроки каноники, которую, какъ видно, и самъ неясно понимаетъ, обратилъ больше вниманія на взятый имъ изъ моей статьи самый документъ о тихвинскихъ попахъ; тогда онъ увидѣлъ бы, что взглядъ его на значеніе соборной влѣтвы 1667 года не только не подтверждается, а прямо и рѣшительно опровергается этимъ документомъ. Я не стану спорить противъ того, что попы тихвинскаго посада, служившіе на просфорахъ «старой печати крестовъ», были не изъ бѣглыхъ раскольничьихъ поповъ, а находились въ союзѣ съ церковію, и г. Филипповъ, а равно и его адвокатъ напрасно употребляютъ всѣ усилія, чтобы доказать то, чего ни я, никто другой не отвергалъ; я уважу г. Филиппова на другую сторону въ этомъ документѣ: таинство евхаристіи, совершенное тихвинскими попами на просфорахъ «старая печати крестовъ», т. е., очевидно, по «старому» Служебнику, Питиримъ признавалъ и прямо называлъ «божественными и пречистыми тайнами». Я спрашиваю г. Филип-

(1) «Гражданинъ» № 24, стр. 681.

пова, могъ ли бы новгородскій митрополитъ, бывшій членомъ собора 1667 года, такъ отозваться въ 1668 объ евхаристіи, совершенной по «старому», если бы дѣйствительно соборная клятва простиралась собственно на употребленіе старыхъ книгъ и обрядовъ, независимо отъ отношенія читателей этихъ обрядовъ къ церкви и обрядамъ новоисправленнымъ, что утверждаетъ мой почтенный противникъ. Правда, священникамъ, позволившимъ себѣ служить литургію по старому, «отказано было отъ божественныя службы», т. е., запрещено было священнослуженіе еще до формальнаго суда надъ ними, и затѣмъ они вызваны были въ Новгородъ въ судный приказъ. Но это могло быть сдѣлано не «на основаніи закона 13 мая 1667 года», которымъ «установлена была только одна мѣра наказанія: отлученіе и клятвы», что утверждаетъ адвокатъ г. Филиппова, а на основаніи опредѣленія собора 1666 года, на которомъ Питиримъ былъ предсѣдателемъ и который, безъ всякихъ клятвъ и отлученій, предписалъ всѣмъ священникамъ православной Руси «всякое церковное словословіе отправлять» по новоисправленнымъ книгамъ, угрожая непокорнымъ однимъ только «духовнымъ наказаніемъ и тѣлеснымъ озлобленіемъ». Была ли положено Питиримомъ какое либо наказаніе тихвинскимъ попамъ, служившимъ на престолахъ «старыя печати крестовъ», — неизвѣстно, въ чемъ сознается и г. Филипповъ; но, судя по послѣдующимъ распоряженіямъ Питирима, на которыя я указывалъ въ своей рѣчи—25 февраля и которыми онъ священниковъ «важской десятины», служившихъ литургію по старопечатнымъ служебникамъ, обязывалъ только подни-

сками—купить новоисправленные книги и по нимъ служить, и, уже только въ случаѣ новаго ослушанія съ ихъ стороны, грозилъ непокорнымъ «жестокимъ смиреніемъ»,—можно думать, что и съ тихвинскими попами, если они показали на судѣ, что служили «по старому» не по враждѣ къ новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ, какъ еретическимъ, а или по привычкѣ, или по неимѣнію «новыхъ печатей крестовъ»,—все кончилось «духовнымъ наказаніемъ», т. е. наставленіемъ митрополита исполнять на будущее время опредѣленіе собора 1666 года безпрекословно, т. е. служить по новоисправленнымъ книгамъ.

Такимъ образомъ, ни въ дѣятельности патріарха Іоакима, ни въ распоряженіяхъ новгородскаго митрополита Питирима, на которыхъ я ссылаюсь въ подтвержденіе своего взгляда на значеніе соборной клятвы 1667 года, г. Филипповъ не могъ и не можетъ найти ничего такого, что хотя отчасти подтверждало бы его мысль о томъ, будто бы соборъ 1667 года изрекъ свою клятву собственно на употребленіе стараго обряда. За то г. Филипповъ ухитрился найти защиту своему мнѣнію—во мнѣ, или точнѣе—въ одной изъ моихъ статей, писанной еще въ 1870 году. Въ этой статьѣ я заявлялъ, между прочимъ, что, не ограничиваясь частнымъ разрѣшеніемъ каждаго, вступающаго въ общеніе съ церковію путемъ единовѣрія, старообрядца, церковь можетъ вообще разрѣшить клятву собора 1667 года, и затѣмъ, имѣя въ виду недоумѣнія, какія возбуждаетъ соборная клятва въ раскольникахъ и даже во многихъ единовѣрцахъ, я замѣчалъ, что съ цѣлію успокоить тѣхъ и другихъ и отнять у нихъ поводъ указывать на клятву, какъ

на препятствіе къ единенію съ церковію, необходимо даже такъ поступить, предоставляя дальнѣйшій ходъ дѣла усмотрѣнію церковной власти. Указывая на эту статью г. Филипповъ говоритъ: «и самъ г. Нильскій года три тому назадъ выражалъ въ печати такія по сему предмету (т. е. по вопросу о клятвѣ собора 1667 г.) мнѣнія, которыя естественнѣе было бы встрѣтить въ моемъ разсужденіи, чѣмъ въ его статьяхъ», — и затѣмъ, приведя самыя слова мои о необходимости разрѣшить соборную клятву, онъ замѣчаетъ: «если г. Нильскій находитъ необходимымъ клятву 1667 года разрѣшить и разрушить, то очевидно, что она, по его мнѣнію, еще не разрѣшена и не разрушена, въ этомъ слѣдовательно онъ сходится, *по видимому*, со мною, когда я говорю, что клятвы собора 1667 года еще не отмѣнены и что у насъ существуютъ совмѣстно благословеніе и клятва на одни и тѣ же предметы». Что и по моему мнѣнію «вообще» клятва собора 1667 года еще не разрѣшена, — это вѣрно; но чтобы въ указанной статьѣ я утверждалъ, подобно г. Филиппову, что у насъ совмѣстно существуютъ благословеніе и клятва на одни и тѣ же предметы, или думалъ, что состоявшееся въ 1800 году опредѣленіе Синода не имѣетъ достаточной для отмѣны клятвъ силы, что навязываетъ мнѣ адвокатъ г. Филиппова, — этого ни тотъ, ни другой не докажутъ никакими софизмами, такъ какъ въ вышеупомянутой статьѣ я прямо и ясно говорилъ, что клятва собора 1667 года положена за употребленіе старыхъ обрядовъ, «соединенное съ непослушаніемъ церкви и отдѣленіемъ отъ нея», и что «она снимается съ тѣхъ читателей этихъ обрядовъ,

кто входитъ въ общеніе съ нею» (1). Вполнѣ взглядъ мой на значеніе соборной клятвы выраженъ мною въ указанной статьѣ въ слѣдующихъ словахъ: «когда ревнители мнимой старины, при исправленіи книгъ и обрядовъ въ патріаршество Никона, упорно возстали противъ церкви въ защиту этихъ книгъ и обрядовъ, не чуждыхъ погрѣшностей, когда на перемѣну даже одной буквы въ этихъ книгахъ они стали смотрѣть, какъ на перемѣну вѣры, какъ на ересь, когда притомъ исправленные обряды и книги начали поносить самыми дурными именами, а церковь, принявшую эти исправленія, обзывать «оскверненною ересью многими и антихристовою скверною», вслѣдствіе чего «мнози христіане отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія тѣла и крови Христовы лишишася», когда наконецъ вожди возставшихъ противъ церковнаго исправленія провозгласили потерявшею истину и православіе не только церковь русскую, но и греческую, и такимъ образомъ впади въ ложную, еретическую мысль, будто бы истинная церковь, вопреки слову Основателя своего, прекратилась на землѣ, соборъ Московскій 1667 года строго осудилъ такое неправильное мудрованіе и на защитниковъ его, «яко еретиковъ и непокорниковъ, наложилъ проклятіе» (2). Какъ всякій можетъ видѣть, въ моемъ взглядѣ на соборную клятву, высказанномъ мною еще въ 1870 году, нѣтъ не только «видимаго», но даже и никакого сходства со взглядомъ на тотъ же предметъ г. Филиппова. Поэтому можно только удивляться безза-

(1) См. «Христ. Чтен.» за 1870 г., май, стр. 781 и 777.

(2) Тамъ же, стр. 779—780.

стѣнчивости адвоката г. Филиппова, который, на основаніи вышеуказанной статьи моей, утверждаетъ, будто бы въ ней я говорилъ «тоже самое», что проповѣдуетъ теперь г. Филипповъ, и который сильно упрекаетъ меня за то, что въ 1872 году я будто бы измѣнилъ свой прежній взглядъ на дѣло, вследствие чего сталъ въ противорѣчіе не только съ г. Филипповымъ, но и съ самимъ собою. Въ чемъ же, по мнѣнію адвоката г. Филиппова, я измѣнился до противорѣчія самому себѣ?— Въ томъ, что въ статьѣ, помѣщенной въ «Христ. Читаніи» за 1870 годъ, я «по искреннему убѣжденію» говорилъ о необходимости разрѣшить соборную клятву, а въ статьѣ, напечатанной въ томъ же журналѣ за прошлый годъ, я доказывалъ, что этой клятвы «уничтожать—съ одной стороны нельзя, а съ другой—не нужно», именно: нельзя относительно раскольниковъ, «доколѣ они не оставятъ своего преслушанія церкви», не нужно—относительно единовѣрцевъ, такъ какъ они, какъ «уразумившіеся въ правду, что святая православная церковь истинствуется, и благодать рукоположенія, преемственно отъ апостоловъ преемлемая и сохраняемая, въ ней пребываетъ, и общенія въ сей истинѣ и благодати искренно возжелавшіе, свободны отъ клятвы, изреченной соборомъ на противниковъ святой церкви и, по силѣ самаго опредѣленія собора 1667 года, разрѣшены и дѣйствительно разрѣшаются отъ проклятія Св. Синодомъ и данною отъ Бога епархіальною властію», и потому даже выражалъ «сожалѣніе» о разсужденіяхъ «тѣхъ православныхъ писателей, которые, съ цѣлію привлеченія старообрядцевъ въ нѣдра св. церкви, указываютъ на необходимость снятія, или уничтоженія клят-

вы собора 1667 года не только съ единовѣрцевъ, но и съ самыхъ обрядовъ, содержимыхъ ими» (1). Что подобное противорѣчiе не составляетъ большаго грѣха, не значить «обращенiя вспять» и не доказываетъ «отрицанiя своихъ вчерашнихъ убѣжденiй», въ чемъ обвиняетъ меня адвокатъ г. Филиппова, это видно изъ слѣдующаго примѣра. Покойный митрополитъ московскiй Филаретъ, имя котораго г. Филипповъ произноситъ не иначе, какъ съ благоговѣнiемъ, доказывалъ въ своемъ «Изъясненiи о проклятiи, положенномъ отъ собора 1667 года», напечатанномъ въ 1858 году, что «проклятiю собора 1667 г. подлежатъ тѣ, которые не только содержатъ обряды стоглаваго собора, но, по случаю сихъ обрядовъ, являются противниками православной церкви, дондеже уразумеются», т. е. раскольники, и что единовѣрцы, какъ переставшiе быть противниками св. церкви и вступившiе въ миръ и соединенiе съ нею, по самой силѣ опредѣленiя собора 1667 года, разрѣшаются и пребываютъ свободны отъ изреченнаго соборомъ проклятiя (2), — другими словами: и преосвященный Филаретъ говорилъ, что разрѣшать соборную клятву съ одной стороны нельзя, съ другой — не нужно. И однако же такое пониманiе дѣла не помѣшало святителю въ 1864 году просьбу московскихъ единовѣрцевъ о сношенiи Св. Синода съ восточными патрiархами, по вопросу о клятвахъ 1667 года, не только принять со вниманiемъ и любовью, но даже признать уважительною и выразить предъ Св. Синодомъ желанiе, чтобы этой просьбѣ данъ былъ дальнѣйшiй ходъ. ⁴ Логика адвоката г. Филиппова;

(1) «Христ. Чт.» за 1872 г., май, стр. 67—68.

(2) Свѣдѣн. о единовѣрч. церквахъ, М. 1858 г. л. 45, свес. л. 24.

пожалуй, и въ этомъ поступкѣ высокопреосвященнаго Филарета найдетъ противорѣчіе святителя самому себѣ, отрицаніе имъ прежнихъ своихъ убѣжденій; а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было въ дѣйствіяхъ московскаго архипастыря, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: «соборъ 1667 года, писалъ онъ, отлучилъ отъ церкви и подвергнулъ проклятію непокоряющихся церкви, дондеже уразумятся. Явились изъ раскола люди, которые уразумелись, что церковь права, прекратили непослушаніе и вошли въ ея послушаніе. *Дондеже* достигло своего предѣла, и клятва, ограниченная симъ предѣломъ, кончилась. Св. Синоду надобно было не новое опредѣленіе—снять клятву, но только опредѣленіе о томъ, что дѣйствіе клятвы въ отношеніи къ явившимся единовѣрцамъ кончилось, и объявить ихъ свободными отъ оной. Здѣсь видно, почему въ 1800 году Св. Синодъ не находилъ нужнымъ входить въ сношеніе съ патріархами. Впослѣдствіи времени нѣкоторымъ *искусственнымъ* образомъ воздвигнуто противъ сего недоумѣніе; но оно усилилось, распространилось, и потому нынѣ okazaлось *полезнымъ*, чтобы согласнымъ сужденіемъ патріарховъ о прекращеніи клятвы не надъ раскольниками, а надъ послушными церкви единовѣрцами, недоумѣніе было уничтожено. Если за симъ обратить вниманіе на единовѣрцевъ: дѣло ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Они, по выраженію собора, уразумелись, познали, что россійская церковь православна, не хулятъ ее, не противятся ей, а покоряются ей и пріемлютъ отъ нея священство. Итакъ проклятіе въ отношеніи къ нимъ достигло своего предѣла и кончилось. Но при семъ они *просятъ*,

какъ смисхожденія, и церковь соглашается, чтобы у нихъ оставались обряды стоглаваго собора и пяти первыхъ россійскихъ патріарховъ, на которые соборъ 1667 года не произнесъ своего проклятiя. Хотя такимъ образомъ проклятiе кончилось само собою; но нѣкоторымъ единовѣрцамъ и еще болѣе нѣкоторымъ раскольникамъ, которые не удовлетворены расколомъ, но еще въ недоумѣнii о церкви, кажется, что чего-то недостаетъ. Проклятiе положили два восточныхъ патріарха и третiй россійскiй; разрѣшилъ оное Св. Синодъ, который имѣеть значенiе одного патріарха. Дѣло было бы совершеннѣе, если бы восточные патріархи изъявили свое согласiе на то, что опредѣлилъ россійскiй Синодъ. Хороша ли такая логика, или нѣтъ, единовѣрцы находятъ ее въ силѣ у нѣкоторыхъ изъ среды своей и у раскольниковъ: и какъ ихъ ненадежно вразумить логически: то нельзя ли успокоить канонически».

Изъ этихъ словъ московскаго святителя видно не только то, какое значенiе имѣеть и долженъ имѣть вопросъ о клятвѣ собора 1667 года, т. е., что вопросъ этотъ возбужденъ не существомъ дѣла, а искусственно, но и то, что можно, безъ противорѣчiя самому себѣ и безъ опасенiя «смутить» единовѣрцевъ, желать рѣшенiя этого вопроса въ томъ направленiи, какое указано ему митрополитомъ Филаретомъ, и въ то же время утверждать, что разрѣшать раскольниковъ отъ клятвы нельзя, а единовѣрцевъ—не пужно, и даже выражать сожалѣнiе о тѣхъ «свѣтскихъ писателяхъ», которые требуютъ уничтоженiя клятвы собора 1667 г. не только съ единовѣрцевъ, но и съ *самыхъ обрядовъ*, содержащихся ими, такъ какъ на

эти обряды и на содержаніе ихъ соборъ не произнесишь своего проклятiя. Это же самое говорилъ и я въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ г. Филипповъ и его адвокатъ видятъ противорѣчіе.

Имѣя въ виду разнаго рода недоумѣнія раскольниковъ и нѣкоторыхъ единовѣрцевъ относительно клятвы собора 1667 года, я въ статьѣ 1870 года выражалъ желаніе, чтобы, для прекращенія этихъ недоумѣній, церковь, не ограничиваясь частнымъ разрѣшеніемъ каждаго, вступающаго въ общеніе съ нею путемъ единовѣрія, старообрядца, разрѣшила вообще клятву, разумѣя подъ этимъ разрѣшеніемъ не признаніе неправильности опредѣленія собора 1667 года, не снятіе клятвы съ обрядовъ, чтимыхъ единовѣрцами и старообрядцами, потому что клятвы на обряды и не было положено, но торжественное заявленіе со стороны церкви, по сношеніи съ восточными патріархами, о томъ, что содержаніе старыхъ обрядовъ *само по себѣ*, если съ нимъ не соединяется никакого неправильнаго мудрованія и противленія церкви, не подлежитъ соборному проклятiю и не можетъ служить препятствіемъ къ единенію съ нею, предоставляя впрочемъ рѣшеніе этого вопроса мудрости самой церкви (1). Разсматривая же смыслъ соборной клятвы и рѣшая при этомъ вопросъ, — на кого нынѣ она падаетъ и на кого не простирается, я писалъ въ статьѣ прошлаго года, что, по точному смыслу соборнаго опредѣленія 13 мая 1667 года, нынѣ соборная клятва падаетъ на раскольниковъ, удаляющихся изъ за старыхъ обрядовъ отъ церкви,

(1) «Христ. Чтен.» за 1870, ч. I, стр. 764—5.

какъ отъ еретической, но отнюдь не на единовѣрцевъ, вошедшихъ въ общеніе съ церковію, какъ святою, православною, и что, слѣдовательно, по существу дѣла, разрѣшеніе клятвы для раскольниковъ, пока они не соединятся съ церковію, невозможно, а для единовѣрцевъ, какъ уже свободныхъ отъ ней, не нужно,—чѣмъ, само собою разумѣется, ни мало не ослабляется мысль о полезности успокоить разрѣшеніемъ клятвы въ указанномъ выше смыслѣ тѣхъ изъ единовѣрцевъ и раскольниковъ, которые смущаются ею и несправедливо видятъ въ ней препятствіе къ искреннему единенію съ церковію. Тоже самое, какъ вамъ извѣстно, я говорилъ и въ своей рѣчи 25 февраля (1). Не соглашаясь съ мыслию г. Филиппова о томъ, будтобы «разрѣшеніе употреблять дониконовскій обрядъ, данное обратившимся къ церкви старообрядцамъ сперва при Екатеринѣ II безъ опредѣленныхъ условій, а потомъ при Павлѣ I на условіяхъ, изложенныхъ въ 16 правилахъ 1800 года, съ точнымъ смысломъ соборнаго опредѣленія 1667 года не согласно», я однакоже утверждалъ, что было

(1) А послѣ этого замѣчаніе адвоката г. Филиппова о томъ, что я, «при печатаніи своей статьи въ «Христіанскомъ Читеніи» за май 1872 года, скрылъ свое имя», не достигаетъ цѣли, съ какою оно сдѣлано. Я поступалъ такъ не для того, чтобы замаскировать мнимое противорѣчіе свое съ статьею, напечатанною въ 1870 году, — противорѣчіе это не могло бы быть замѣчено и въ томъ случаѣ, если бы я и не скрывалъ своего имени, такъ какъ и подъ статьею 1870 года нѣтъ моего имени,—а потому, что въ послѣдніе годы, по разнымъ причинамъ, я вообще сталъ печатать свои статьи большію частію безъ подписи своего имени. Кромѣ указанныхъ статей о единовѣрціи, см. напр. мои статьи: «Нужно ли преподавать въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ ученіе о расколѣ» («Христ. Читен.» 1868 г. ч. I, стр. 100—139); «Чѣмъ объяснить долговѣчіе расколѣ?» («Христ. Читен.» 1871 г. мартъ).

бы весьма полезно сношеніе Св. Синода съ восточными патріархами по вопросу о соборной клятвѣ 1667 года, доселѣ смущающей раскольниковъ и даже многихъ единовѣрцевъ, и съ цѣлію—именно прекратить это смущеніе, а не потому, чтобы этого сношенія требовало существо дѣла, т. е. противорѣчіе единовѣрія собору 1667 года, котораго (противорѣчія) на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Въ настоящій разъ я повторяю тоже самое, съ прибавленіемъ слѣдующаго рода: «успокоить, по выраженію митрополита Филарета, канонически» недоумѣвающихъ о клятвѣ соборной раскольниковъ и нѣкоторыхъ единовѣрцевъ въ настоящее время тѣмъ болѣе желательно, что чтеніе г. Филиппова, быть можетъ, вопреки его желанію, дало новую силу недоразумѣніямъ и прежде, по словамъ того же архипастыря, бывшимъ «въ силѣ» у нѣкоторыхъ единовѣрцевъ и у раскольниковъ. Но какъ это сдѣлать такъ, чтобы желаніе мира и единенія не повело къ какому-либо новымъ недоразумѣніямъ,—рѣшить этотъ вопросъ можетъ только сама церковь.

Имѣя въ виду сказанное сейчасъ, я могъ бы обойти третью часть объясненій г. Филиппова, въ которой онъ добазываетъ «необходимость пересмотра соборнаго постановленія 13 мая 1667 года, съ участіемъ въ этомъ дѣлѣ православныхъ восточныхъ церквей», такъ какъ самъ признаю полезнымъ сношеніе Св. Синода съ Востокомъ по этому вопросу, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ, на которыя указываетъ мой противникъ. Но одна мысль, которую я высказалъ въ рѣчи 25 февраля и которой г. Филипповъ, по его словамъ, «хорошенько не понимаетъ», застав-

дуетъ меня сказать нѣсколько словъ и объ этой части объясненій защитника «нуждъ единовѣрія». Я сказала между прочимъ, что участіе восточныхъ патріарховъ въ рѣшеніи вопроса о нашихъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядахъ, дозволенныхъ единовѣрцамъ, было *непрямое*,—и хотя тогда же объяснилъ,—что разумѣю подъ словомъ «непрямое», прибавивъ, что «Павсій александрійскій и Макарій антиохійскій, присутствовавшіе на соборѣ 1667 года, были приглашены въ Москву собственно для суда надъ Никономъ, а другіе восточные патріархи подтвердили правильность опредѣленій собора 1667 года заочно, не читавши ихъ, въ то время, когда ихъ просили признать Никона снова патріархомъ»;—тѣмъ не менѣе г. Филипповъ, измѣнивъ нѣсколько мою мысль, находитъ ее несправедливою и говоритъ, что «замѣчаніе о случайности присутствія восточныхъ патріарховъ на соборѣ 1667 года нужно приписать простому недоразумѣнію», такъ какъ онъ—г. Филипповъ—не можетъ допустить, чтобы его ученымъ собесѣдникамъ⁽¹⁾ не было извѣстно, что патріархи—александрійскій Павсій и антиохійскій Макарій—были приглашены на соборъ вмѣстѣ съ константинопольскимъ Діонисіемъ и іерусалимскимъ Нектаріемъ, грамотами царя Алексея Михайловича, посланными къ нимъ съ довѣренными людьми», и что слѣдовательно «Павсій и Макарій⁽²⁾ явились въ Москву вовсе не случайно, а по

(1) Речь идетъ о собесѣдникахъ потому, что, какъ оказалось послѣ, ту же мысль заявлялъ г. Филиппову и о. протоіерей І. В. Васильевъ, въ засѣданіи 18 января, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «два восточные патріарха, одобрявшіе осужденіе раскола, не представляютъ всей восточной церкви и не были посланы нарочно съ этою цѣлію».

(2) Остальные два не могли «прійти въ Москву ради обстояній и строгаго времени и за страхъ вѣнскихъ».

приглашенію царя, и именно затѣмъ, «еже разсмотреть убо и возсудити всякое случившееся церковное и мѣстное дѣло». И такъ какъ, продолжаетъ г. Филипповъ, не прибывшіе на соборъ патріархи константинопольскій и іерусалимскій, по требованію 40 правила лаодикійскаго собора, оправдали предъ соборомъ 1667 года свое отсутствіе такими обстоятельствами, которыя снимали съ нихъ всякую за то отвѣтственность, и, кромѣ того, по нѣкоторымъ дѣламъ, разсмотрѣнію собора подлежавшимъ, прислали свой заочный отзывъ, то и они считались *какбы* присутствовавшими на соборѣ, или по крайней мѣрѣ участвовавшими въ постановленіи его опредѣленій». Теперь приходится сказать мнѣ, что я не только «хорошенько», но даже и вовсе не понимаю, съ какою цѣлію г. Филипповъ счелъ нужнымъ заявить все вышеизложенное. Ему говорятъ, что Павсій и Макарій «были приглашены въ Москву», а онъ старается доказать, что «они явились въ Москву не случайно, а по приглашенію царя»; ему говорятъ, что патріархи константинопольскій и іерусалимскій утвердили опредѣленія собора 1667 г. заочно, не читавши ихъ, а онъ объявляетъ, что они дѣйствительно не были въ Москвѣ, потому что по обстоятельствамъ не могли явиться туда. Ему указываютъ на то, что восточные патріархи приглашались въ Москву съ спеціальною цѣлію—такъ, или иначе рѣшить тянувшееся много лѣтъ дѣло Никона, и что въ вопросѣ о, такъ называемыхъ, старыхъ обрядахъ, рѣшенномъ соборомъ русскихъ архипастырей въ 1666 г., до прибытія въ Москву восточныхъ святителей, они приняли участіе *случайное*, т. е. только потому, что были въ это

время въ русской столицѣ, а не потому, чтобы безъ нихъ онъ не могъ быть рѣшенъ самою русскою церковію;—а г. Филиповъ, вмѣсто того, чтобы опровергать такую мысль или согласиться съ нею, ссылается на слова: «еже разсмотрити и возсудити всякое случившееся церковное и мѣстное дѣло»,—въ которыхъ и разумѣется собственно дѣло патріарха Никона ('). А что дѣйствительно восточные патріархи приглашались въ Москву Алексѣемъ Михайловичемъ единственно для суда надъ Никономъ, а не по дѣлу книжнаго исправленія, это всего лучше видно изъ ихъ собственныхъ писемъ, которыми Павсій и Макарій извѣщали іерусалимскаго и константинопольскаго патріарховъ о дѣйствіяхъ своихъ въ Москвѣ. Въ письмѣ къ первому Павсій и Макарій, послѣ извѣдомленія о низложѣніи Никона и заключеніи его «въ монастырь изрядный», писали слѣдующее: «мы убо Божіею милостію и благодатію, тщаніемъ же и добродѣяніемъ многихъ лѣтъ достойнаго царя нашего, надѣемся *по совершеніи сего божественнаго дѣла*, также и по хиротонисаніи новаго патріарха, иже имать быть избранъ соборѣ, еже возвратитися къ

(') Я не говорю уже о странномъ усиліи г. Филипова доказать, что константинопольскій и іерусалимскій патріархи, не прибывшіе въ Москву, были не виноваты въ этомъ, какъ будто они могли предъ кѣмъ либо нести ответственность за свое отсутствіе на соборѣ, нужды въ которомъ, нѣсколько времени назадъ, не признавали сами, и который устроился единственно потому, что присланныя съ Востока патріаршія грамоты, уполномочивавшія русскую церковь саму судить и, если нужно, осудить Никона, были, по обстоятельствамъ, заподозрѣны въ своей подлинности (См. подр. объ этомъ въ «Дѣлѣ патр. Никона» г. Субботина стр. 73—85), и что будто бы архіерей, не прибывшій на соборъ по законной причинѣ, можетъ считаться какъ бы присутствовавшимъ на соборѣ, или по крайней мѣрѣ участвовавшимъ въ постановленіи его опредѣленій.

нашимъ убожайшимъ престоламъ» (1). Ни о какомъ другомъ «дѣлѣ», которое бы нуждалось въ патріаршемъ «разсмотрѣніи», нѣтъ здѣсь ни слова. По обстоятельствамъ, надежда Павсія и Макарія на скорое возвращеніе ихъ къ убогимъ престоламъ не оправдалась. По совершеніи «дѣла» Никонова, они самѣ нашли себѣ другое дѣло, ради котораго и рѣшились помедлить въ русской столицѣ. Объ этомъ дѣлѣ они такъ писали константинопольскому патріарху Діонисію. Сказавъ объ осужденіи Никона за то особенно, что онъ «досади своими писаньми кротчайшему царю и соблазни пресвѣтлый свѣклить, укоряя его и именуя еретичествомъ и латинствоющимъ», Павсій и Макарій продолжали: «оба же и обычной милостыни великому престолу и прочимъ убогимъ престоламъ данной надѣмся обновитися: паче же большей и довольнѣйшей быть. *И о томъ въстми силами тщимся, дондеже совершитъся*, сирѣчь во еже бы исполнитися оной притчѣ: яко братъ братомъ пособствовавъ спасается, и да друзи будутъ въ нуждахъ полезни... Уповаемъ же, яко вашими святыми молитвами, Бога умилостивляющими, внегда совершити намъ сіе боголюбезное дѣло, еже отъ всея души начахомъ каѳолическія ради церкви, возвратитися тамо, сирѣчь, еже намъ другъ съ другомъ цѣловатися всею душею и сердцемъ и бесѣдовати» (2). Задавшисъ такую цѣлю, Павсій и Ма-

(1) Дѣло патр. Никона, г. Субботина, стр. 244—5.

(2) Тамъ же, стр. 246; стоить замѣтить, что Павсій и Макарій, явившіеся въ Москву по приглашенію царя, не только не требовали отъ отсутствовавшихъ патріарховъ отчета, — почему они не прибыли въ Москву, но еще сами почему-то считали нужнымъ «оправдывать» предъ ними свое присутствіе на московскомъ соборѣ.

карій не спѣшили своимъ отъѣздомъ изъ Москвы. И вотъ, чтобы занять чѣмъ-либо дорогихъ гостей, русскія власти рѣшились не «представить на ихъ разсмотрѣніе и утвержденіе» опредѣленіе собора 1666 г., какъ выражается объ этомъ г. Филипповъ, а только «подробну извѣстить» ихъ о немъ, какъ говорится объ этомъ въ дѣяніяхъ собора. Я не отрицаю того, что наша церковная власть поступила въ этомъ случаѣ хорошо, или, по выраженію г. Филиппова, «не безъ ума»,—спасеніе, справедливо замѣчаетъ защитникъ нужды единовѣрія, во мнозѣ совѣтъ; но я не могу согласиться съ мнѣніемъ моего противника въ томъ, будто-бы опредѣленіе собора 1666 года «имѣло *нужду* въ утвержденіи и благословеніи восточныхъ патріарховъ», и затрудняюсь допустить, чтобы это утвержденіе и благословеніе придадо постановленію собора 1666 года особенное значеніе, высшій авторитетъ. Г. Филипповъ замѣчаетъ, что, по слову апостола, меньшее отъ бѣльшаго благословляется; это— правда; но въ такомъ случаѣ я долженъ заявить, что русскій патріархъ, а слѣдовательно и Св. Синодъ, котораго власть равна патріаршей, чего не отвергаетъ и г. Филипповъ, выше двухъ восточныхъ патріарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1667 г.; такъ какъ «мѣстная власть русской церкви нашла нужнымъ свое опредѣленіе» (постановленное на соборѣ 1666 г.), уже «благословленное и утвержденное» Павсіемъ и Макаріемъ, не «извѣстить» только, но «предложить» предъ своимъ новымъ патріархомъ Іоасафомъ II-мъ, «еже разсмотрѣти, разсудити, *благословити и утвердити* своимъ высокопастырскимъ благословеніемъ». И святѣйшій Іоасафъ, патріархъ московскій,

не только «слушавъ», но и «разсмотря прежнее соборное опредѣленіе», призналъ возможнымъ утвердить его «своимъ высокопастырскимъ благословеніемъ», не смотря на то, что оно уже было благословлено и утверждено двумя восточными патріархами (¹). Все это я говорю не потому, чтобы серьезно думать, что власть одного, хотя бы и русскаго, патріарха выше власти двухъ восточныхъ патріарховъ, а для того, чтобы показать, что, какъ свидѣтельствуя самыя опредѣленія собора 1666—67 года, русская церковная власть для рѣшенія вопроса о новоисправленныхъ книгахъ и обрядахъ считала достаточною свою собственную власть, и если обращалась по этому предмету къ бывшимъ въ то время въ Москвѣ по другому дѣлу восточнымъ патріархамъ, то не потому, чтобы безъ ихъ благословенія и утвержденія не могла обойтись, а только потому, что считала дѣломъ не благоразумнымъ и не братскимъ не пригласить ихъ къ совѣщательному участию въ дѣлѣ, хотя и предоставленномъ уставомъ на волю настоятеля церкви, но все же церковномъ, и при томъ такомъ, которое отчасти касалось и самихъ восточныхъ патріарховъ (²). Поэтому указавіе г. Филиппова на то, что когда царь Теодоръ Алексѣевичъ, по смерти Никона, возымѣлъ мысль возвратить ему патріаршій санъ, мѣстная власть русской церкви не сочла себя вправе отмѣнить опредѣленіе, постановленное не ею одною, а совокупно съ предстоятелями единовѣрныхъ церквей, вслѣдствіе чего и признано было необходимымъ просить о разрѣшеніи Никона всѣхъ четырехъ восточныхъ патрі-

(¹) Допол. къ Историч. Акт. т. V стр. 485.

(²) Тамъ же, стр. 443.

арховъ, по моему мнѣнію, не имѣетъ прямаго отношенія къ разсматриваемому нами вопросу. Судъ надъ Никономъ былъ произнесенъ двумя восточными патріархами, которые съ этою именно цѣлю и приглашены были въ Москву; и хотя Павсій и Макарій дѣйствовали въ этомъ случаѣ, не имѣя прямаго полномочія и отъ остальныхъ патріарховъ, но все же и константинопольскій и іерусалимскій патріархи въ своихъ граматахъ — на вопросы о царской и патріаршей власти, присланныхъ въ Москву еще прежде собора, признавали Никона, хотя и не прямо, достойнымъ осужденія; поэтому константинопольскій патріархъ Іаковъ имѣлъ нѣкоторое право писать, что Никонъ былъ осужденъ соборомъ, «иже четвертостію святѣйшихъ патріарховъ исполненіе имѣлъ, самосуціемъ, рещи, собранію александрійскаго господина Павсія и антиохійскаго господина Макарія, мыслодательство оттуду константинопольскаго господина Діонисія предводительствуя и іерусалимскаго господина Нектарія, и тамошнихъ мѣстныхъ архіереевъ и всего церковнаго чина» ('). Совсѣмъ иное значеніе имѣлъ соборъ 1667 года, въ то время, когда произносилъ окончательный судъ надъ расколомъ и одобреніе новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ. Павсій и Макарій, присутствовавшіе на этихъ засѣданіяхъ собора, были приглашены въ Москву для сужденія не объ этомъ предметѣ, и слѣдовательно засѣдали на соборѣ въ качествѣ простыхъ, хотя и почетныхъ, членовъ, а не въ качествѣ нарочито призванныхъ судей; осталь-

(') Опис. докум. и дѣл. Св. Синод. т. I, стр. ССССV сн. стр. ССССХVI—VII.

ные же патріархи подтвердили (1) опредѣленія этого собора, не читавши ихъ, и при томъ уже только въ 1682 году, чѣмъ прямо показали, что въ рѣшеніяхъ его они не участвовали даже «мыслодательно». Поэтому утверждать, что и этотъ соборъ «четвертостію святѣйшихъ патріарховъ имѣлъ полноту церковной власти», и затѣмъ говорить, что «дѣло», рѣшенное на соборѣ 1667 года, изрекшемъ извѣстную клятву, рѣшено было «совѣтомъ всей православной церкви» какъ дѣлаетъ это г. Филипповъ, значить, по моему

(1) Говоря это, я дѣлаю излишнюю уступку г. Филиппову, такъ какъ приведенныя имъ слова патріарховъ: «къ сѣмъ изглашаемъ: да прочая вся, яже отъ священнаго собора того содѣянная, останутся нерушими и крѣпка, ибо соборъ той безпричиненъ и праведенъ и твердъ есть», относятся собственно къ тому собору, «отъ котораго низверженъ бысть» Нивонъ (Опис. докum. и дѣл. т. I, стр. ССССХV, снес. стр. ССССVII), а не къ тѣмъ засѣданіямъ собора 1667 г., на которыхъ было сдѣлано опредѣленіе относительно старыхъ и новоправленныхъ обрядовъ, и которыя происходили въ присутствіи не только двухъ восточныхъ, но и третьяго—русскаго патріарха. Къ этому послѣднему собору не приложимы слова: «четвертостію святѣйшихъ патріарховъ имѣлъ полноту церковной власти», такъ какъ на немъ, если брать въ расчетъ и «мыслодательство» константинопольскаго и іерусалимскаго патріарховъ, было не четыре, а пять патріарховъ. Въ посланіи Св. Синода къ константинопольскому патріарху Анеиму, писанномъ въ 1847 году по поводу бѣгства къ Буковинскимъ раскольникамъ извѣстнаго греческаго митрополита Амвросія, прямо говорится, что «постановленіе московскаго собора лѣта 1667», которымъ раскольники «отлучены церковію отъ общенія», было утверждено только двумя восточными патріархами Павсіемъ александрійскимъ и Макаріемъ антиохійскимъ. Кстати: въ этомъ же посланіи Св. Синодъ высказалъ свой взглядъ на значеніе соборной клятвы 1667 года. По его словамъ, св. церковь отлучила отъ церкви раскольниковъ *потому*, что они, «упорно держась нѣкоторыхъ несогласныхъ съ церковію обрядовъ», сами «отлучили себя отъ нея и хуленія на нее возносятъ» (Собр. пост. по ч. раск. кн. 2, стр. 441). Значить, мысль, будто бы взглядъ на значеніе соборной клятвы 13 мая 1667 года, высказанный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и защищаемый мною, есть взглядъ частныхъ лицъ, а не власти церковной, несправедлива.

миѣнію, пользоваться историческими документами не съ должнымъ вниманіемъ и предвзятому взгляду жертвовать историческою правдою. А правда эта состоитъ въ слѣдующемъ. Павсію и Макарію, между прочимъ, были предложены царемъ нѣкоторые вопросы церковно-гражданскаго характера; патріархи дали на нихъ свои отвѣты (¹). Казалось бы, дѣло рѣшено. А между тѣмъ чрезъ нѣсколько времени царь тѣ же самыя вопросы, и при томъ вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ патріарховъ, посылаетъ къ святѣйшему Іоасафу, патріарху московскому, съ тѣмъ, чтобы патріархъ со всеѣмъ соборомъ русскихъ архипастырей «тѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ выслушавъ, отвѣты учинили». Что же сдѣлали русскіе архипастыри? По тремъ вопросамъ они согласились съ патріаршими отвѣтами и «приговорили: какъ положили вселенскіе патріархи свой отвѣтъ, быть такожде», а по четвертому не признали рѣшенія патріарховъ правильнымъ и постановили свое (²). Далѣе: на соборѣ 1667 года, на которомъ присутствовали и восточные патріархи,—Павсій и Макарій, было, между прочимъ, постановлено, чтобы митрополиты «имѣли подъ собою епископы, по святымъ правиломъ, ради конечнаго исполненія церковнаго и спасенія душъ человѣческихъ», причемъ точно указами были какъ епархіи (новгородская, казанская, ростовская, крутицкая и рязанская), въ которыхъ слѣдовало быть «подъ митрополитами» епископамъ, такъ и самыя города, по имени которыхъ должны были называться новые епископы. Права и обязанности этихъ

(¹) Допол. къ Акт. Историч. т. V, стр. 507—510.

(²) Тамъ же, стр. 477.

епископовъ соборъ точно опредѣлилъ: «а жить тѣмъ епископомъ коемуждо подѣ своимъ архіереомъ во своихъ эпархіяхъ, во опредѣленныхъ имъ градѣхъ въ монастырѣхъ, и владѣти того монастыря отчинами, и творити все по благословенію и по повелѣнію своихъ имъ митрополитовъ; а безъ воли ихъ ничесоже творити, кромѣ священнодѣйствія и хиротоніи и прочихъ, яже повелѣвають имъ святая правила». Это опредѣленіе соборъ считалъ такъ важнымъ, что заключилъ его слѣдующими словами: «повелѣваемъ убо, да сія вся неподвижную въ предѣбудущія лѣта имѣють твердость и непозыблемы пребываютъ» (1). А между тѣмъ на соборѣ 1681 года, бывшемъ подѣ предсѣдательствомъ патріарха Іоакима, который, какъ членъ собора 1667 года, конечно, зналъ его постановленія, вышеуказанное опредѣленіе было совершенно отмѣнено — безъ предварительнаго сношенія съ восточными патріархами. Соборъ 1681 года положилъ просить государя, чтобы онъ повелѣлъ «устроить архіепископовъ или епископовъ особыми ихъ эпархіи, а не подѣ митрополитами быть подвластнымъ, для того, чтобъ во архіерейскомъ чинѣ не было никакого церковнаго разгласія и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа мѣшвы и уворизны»; при чемъ соборъ указалъ для устройства новыхъ архіерейскихъ кафедръ не тѣ города и эпархіи, какіе были указаны соборомъ 1667 года, а совершенно другіе (2). Бывали и еще случаи, когда опредѣленія собора 1667 года, на которомъ присутство-

(1) Доп. къ Истор. Акт. т. V, стр. 492—493.

(2) Акты Историч. т. V. № 75, стр. 110—111.

вали восточные патриархи, измѣнялись, или даже совершенно отмѣнялись русскою церковною властію— безъ предварительнаго сношенія съ Востокомъ.⁽¹⁾ Поэтому-то и Святѣйшій Синодъ, разрѣшая въ новѣцѣ прошлаго столѣтія единовѣрцамъ употребленіе отмѣненныхъ, но не проклятыхъ соборомъ 1667 года, обрядовъ, не счелъ нужнымъ предварительно снестись по этому вопросу съ восточными патриархами. Дѣло касалось обрядовъ, т. е. такихъ вещей, которыя, по мысли епископіи константинопольскаго патриарха Павсія, утвержденной соборомъ 1667 года, уставъ оставляетъ на волю настоятеля; и потому церковь русская, въ силу той же епископіи, считала себя вправе рѣшить это дѣло своею собственною властію и не находила достаточнаго повода— «писать восточнымъ патриархамъ о вещахъ не нужныхъ, сирѣчь, не прикасающихся свойственнымъ составамъ вѣры, но малыхъ», и просить ихъ «соборнаго разсужденія»,—тѣмъ болѣе, что сами патриархи, подтверждая опредѣленія собора 1667 года, писали Феодору Алексѣевичу относительно будущаго: «аще будетъ малое дѣло, дѣйствовать соборною мыслию тамошнія (т. е. русской) святыя церкви; аще же великое, мыслию великихъ архіереевъ восточныхъ дѣйствовать»⁽²⁾; но вѣдь разрѣшенъ употреблѣть сугубую аллилуію, вмѣсто трегубой, по-солонь, вмѣсто противосолонія и под., едва

(1) См. напр. Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 493—495; сравн. Акт. Историч. т. V, стр. 114. Нужно впрочемъ замѣтить, что многія опредѣленія собора 1666—7 года отмѣнялись впоследствии не столько новыми формальными распоряженіями церковной власти, сколько церковною практикою. См. напр. правила соборнаго свята—2, 18, 29, 32 и др., давно уже потерявшія силу закона.

(2) Описаніе документ. и дѣлъ, т. I стр. ССССІ.

ли можетъ считаться великимъ дѣломъ. Въ настоящее время, когда, какъ заявилъ объ этомъ г. Филипповъ, сами восточные патріархи уже начинаютъ, по примѣру нашей церкви, принимать раскольниковъ въ общеніе съ церковію—на правахъ единовѣрія, мысль о томъ, будто бы Святѣйшій Синодъ не имѣлъ права дозволить единовѣрцамъ употреблять старые обряды, безъ вѣдома и согласія тѣхъ церквей, представители коихъ участвовали въ соборномъ опредѣленіи 13 мая 1667 года, представляется тѣмъ болѣе странною, что ей противорѣчатъ не только постоянная практика русской церкви, но и современныя намъ распоряженія по этому предмету константинопольскаго патріарха. Все это я говорю не для того, чтобы ослабить полезное значеніе мѣры, которую указываетъ г. Филипповъ для рѣшенія смущающаго раскольниковъ и нѣкоторыхъ единовѣрцевъ вопроса о соборной клятвѣ 1667 года и на которую согласенъ былъ и московскій митрополитъ Филаретъ, т. е. сношенія Святѣйшаго Синода съ восточными патріархами, но для того, чтобы показать, какъ глубоко вѣрно замѣчаніе покойнаго архипастыря о томъ, что вопросъ этотъ, готовый сдѣлаться въ наши дни почти вопросомъ дня для недоумѣвающихъ, созданъ и поддерживается «искусственно».

Въ заключеніе позволяю себѣ обратить Ваше благосклонное вниманіе на слѣдующія особенности въ изслѣдованіи почтеннаго защитника нуждъ единовѣрцевъ, неволью бросающіяся въ глаза. Онъ началъ свое чтеніе заявленіемъ почтительной признательности къ церковной власти, даровавшей нашему обществу «право свободнаго въ средѣ нашей разсужденія о дѣ-

дахъ церкви», и затѣмъ во всемъ своемъ чтеніи старался доказать одну мысль—ту, что вотъ уже болѣе 70 лѣтъ церковная власть дѣйствуетъ относительно единовѣрія неправильно, незаконно. Вѣроятно, Святѣйшій Синодъ, «разрѣшившій, по словамъ г. Филиппова, или по крайней мѣрѣ ослабившій до извѣстной степени узы нашей мысли и нашего слова», не ожидалъ такой признательности отъ почтительнаго сына церкви. Далѣе: 18 января г. Филипповъ. заявилъ, что онъ желаетъ «мирнаго состязанія» съ тѣми, кто рѣшился бы «дополнить своими объясненіями» спорный вопросъ, возбужденный имъ; а 28 марта, излагая свои «объясненія» на мои возраженія, высказанныя мною 25 февраля, онъ выразилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что, по обстоятельствамъ, долженъ былъ «умѣрять рѣшительность своего тона», и затѣмъ, не смотря на такое заявленіе, все-таки позволилъ себѣ сдѣлать обо мнѣ и моихъ изслѣдованіяхъ такія рѣзкія сужденія, къ которымъ я не подавалъ ни малѣйшаго повода. Наконецъ, г. Филипповъ озаглавилъ свое чтеніе—такъ: «о нуждахъ единовѣрія»; а между тѣмъ въ самомъ изслѣдованіи онъ развивалъ и доказывалъ болѣею частію такія положенія, которыхъ держатся только раскольники и тѣ изъ единовѣрцевъ, которые, по своимъ отношеніямъ къ церкви, стоятъ ближе къ расколу, чѣмъ къ православію. Чѣмъ объяснить такую двойственность и такой странный разладъ между словомъ и дѣломъ? Ужели почтенный членъ нашего Общества имѣлъ въ виду «нужды единовѣрія» только въ заглавіи своего чтенія, а въ самомъ изслѣдованіи преслѣдовалъ другія, чуждыя единовѣрію, цѣли? Я рѣшительно не допускаю такого

предположенія; но если бы оно явилось у кого либо, въ такомъ случаѣ я имѣю данныя заявить, что успѣхъ Т. И. несомнѣненъ и великъ, но въ то же время выражаю свое искреннее убѣжденіе въ томъ, что наше Общество, поставивши своей задачей служить сближенію, а не раздѣленію, проповѣдывать миръ, а не вражду, распространять въ обществѣ понятія объ историческихъ судьбахъ и современныхъ нуждахъ православной церкви здравыя, а не превратныя, не станетъ радоваться такому успѣху своего члена, безъ всякаго сомнѣнія, для него самого неожиданному. Я не говорю уже о томъ, что г. Филиповъ своимъ чтеніемъ можетъ не ускорить, а приостановить рѣшеніе вопроса, который такъ интересуется его. Церковная власть, по его словамъ, уже «вступила на спасительную стезю соборнаго совѣта», т. е. признала полезнымъ войти въ сношеніе съ восточными патріархами по вопросу о соборной клятвѣ 1667 г., смущающей раскольниковъ и въ некоторыхъ единовѣрцевъ, и «только до времени приостановилась въ своемъ дальнѣйшемъ шествіи, удержанная отъ того невѣрными извѣстіями о мнимыхъ опасностяхъ пути». Защитникъ нуждъ единовѣрія, самъ того не замѣчая, воздвигъ новое препятствіе на этомъ пути. Онъ публично заявляетъ, что церковная власть обязана докончить начатое ею дѣло—не потому, что оно полезно, какимъ признавалъ его «возвышеннѣйшій по уму іерархъ русской церкви», Филаретъ митрополитъ московскій, а потому, что этого требуетъ достоинство самой церковной власти, допустившей единовѣріе незаконно, вопреки опредѣленію собора 1667 г., на которомъ присутствовали и представители восточныхъ церквей. Я

серьезно опасаясь, какъ бы такая постановка вопроса не заставила Святѣйшій Синодъ помедлить его рѣшеніемъ, «дабы, — скажу словами митрополита Платона, — развратные не протолковали, аки бы святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала». А для такихъ толковъ раскольники, предубѣжденные противъ церкви, могутъ найти въ чтеніи г. Филиппова не мало основаній.

И. Нильскій.